

Николай Михайлович Ядринцев

**Русская община в тюрьме и
ссылке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ЯЗ7

ЯЗ7 **Ядринцев Н.**
Русская община в тюрьме и ссылке / Николай Михайлович Ядринцев – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 729 с.

ISBN 978-5-521-39542-2

ISBN 978-5-521-39542-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ АВТОРА

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ авторъ этой книги имѣлъ случай близко познакомиться съ міромъ преступниковъ и съ жизнью сибирскихъ тюремъ. Присматриваясь къ внутренней жизни острога, онъ, естественно, имѣлъ возможность сдѣлать много наблюденій въ этомъ „отверженномъ“ мірѣ и наглядно изучить исторію преступленій.

Наблюдая закулисную жизнь преступниковъ, авторъ все болѣе и болѣе приходилъ къ тому убѣжденію, что это міръ такихъ-же людей, какъ и всѣ другіе, такъ-что нелегко ему было выяснить себѣ, откуда взялись тѣ предразсудки, которыя заставляютъ видѣть въ преступникахъ что-то нечеловѣческое. День за днемъ передъ нимъ открывалась картина обыкновенной человѣческой жизни съ ея радостями и печалями, интригами и желаніями, только замкнутая въ узкую рамку острога и неволи,—съ очень естественнымъ стремленіемъ — во что бы то ни стало, всевозможными фикціями и усиліями, какъ-нибудь расширить тѣсную обстановку свою для удовлетворенія разныхъ житейскихъ потребностей.

Матеріалъ острога представлялъ такое разнообразное собраніе людей, такую массу несчастія, которая невольно заставляла обратить на себя вниманіе. Это былъ старый рус-

скій острогъ да къ тому-же еще сибирскій, гдѣ, по прежнему способу, сваливалась куча людей безъ всякаго разбора, — отчаянныхъ каторжниковъ, убійцъ, ссыльныхъ, мазуриковъ, всевозможныхъ бѣдняковъ, а иногда и людей невинныхъ и глубоко несчастныхъ. Въ этой массѣ можно было ближе-всего познакомиться съ жизнью простого народа и его судьбою. Не одни преступленія, развратъ и извращеніе человѣческой природы приходилось отерывать здѣсь; напротивъ, здѣсь встрѣчались иногда самыя-сильныя и перѣдко самыя-даровитыя натуры русскаго народа. Недаромъ Ф. М. Достоевскій, испытавшій знакомство со старымъ русскимъ острогомъ, восликинулъ въ концѣ своихъ наблюденій: „Сколько въ этихъ стѣнахъ погребено молодости! Сколько великихъ силъ погубило здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, быть можетъ, и есть самый-даровитый, самый-сильный народъ изъ всего народа нашего“. И, дѣйствительно, кто опускался хоть разъ въ глубь народной жизни, кто сталкивался съ непочтою массою народа, гдѣ бы то ни было, тотъ не можетъ не припомнить словъ профессора Бергера *): „какая бездна жизненной силы заключается въ низшихъ слояхъ общества и какъ въ этихъ слояхъ безъ всякаго воздѣлыванья и ухода возникаютъ благороднѣйшіе цвѣты человѣческой души — доброта и любовь, а гений, умъ и острота пробиваются къ свѣту, не смотря на всѣ препятствія!“. Вотъ-почему авторъ изъ своего знакомства съ острогомъ могъ вынести не одни только мрачныя воспоминанія. Здѣсь, среди людей, во многомъ, дѣйствительно, преступныхъ да еще извращенныхъ жизнью среди развращенія и распущенности стараго русскаго острога, — въ этомъ пандемоніумѣ приходилось увѣриться въ общихъ свойствахъ человѣческой природы, — видѣть порывы искреннихъ чувствъ доброты и любви къ ближнему. Не го-

*) „Загадочныя Натуры“, Шпильгагена, стр. 329.

вора уже объ отдѣльныхъ индивидуумахъ, неполнѣ испорченныхъ, — въ самой коллективной жизни острога недѣзя было не найти иногда самыхъ-симпатическихъ сторонъ. Жизнь преступниковъ, какъ намъ казалось, можетъ служить поводомъ не къ порицанію только человѣческой природы вообще, но иногда наоборотъ доказательствомъ того, что инстинкты общезитія, взаимныхъ привязанностей и симпатіи лежатъ столь глубоко въ природѣ человѣка, что не пропадаютъ даже въ самой-отверженной тюремной общинѣ. Подобный выводъ, даваемый жизнью, — намъ казалось, — не только не расходится съ общечеловѣческой философіей нравственности, но напротивъ подтверждаетъ всю живучесть нравственного принципа въ природѣ человѣка.

До сихъ поръ какъ природа самаго преступника, такъ и общественная жизнь его подвергались только порицанію и изслѣдовались исключительно въ однѣхъ дурныхъ сторонахъ своихъ, какъ-будто въ средѣ преступниковъ и не могло быть нѣкоторыхъ исполнѣ-человѣческихъ проявленій жизни, въ которыхъ можно встрѣтить иногда много замѣчательнаго и поучительнаго, если, разумѣется, жизнь тюремной общины будетъ подвергнута болѣе-всестороннему разсмотрѣнію; между тѣмъ русская тюремная и ссыльная община заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что въ ней полнѣе, чѣмъ въ европейскихъ тюрьмахъ прежняго времени, развились общинныя начала. Поэтому автору не хотѣлось, чтобы историческій опытъ нашей тюремной общины пропалъ даромъ, и раскрытію внутренней ея жизни онъ посвятилъ нѣсколько очерковъ: онъ полагаетъ, что община эта можетъ во всякомъ случаѣ быть любопытна, какъ историко-этнографическій памятникъ нашей народной жизни.

Тюрьма, въ которой автору этой книги привелось видѣть значительное скопленіе ссыльныхъ, бродяжескихъ и каторжныхъ элементовъ, дала ему поводъ познакомиться

съ характеристическими чертами прежней системы наказанія; при наблюденіи надъ острожнымъ населеніемъ ему пришлось близко изучить нашу ссылку и жизнь бродяжескихъ общинъ. Самая жизнь тюрьмы, живые рассказы людей и пріобрѣтенныя авторомъ записки заключенныхъ давали понятіе о томъ, какъ наказаніе отражается въ жизни, какія ощущенія выноситъ здѣсь человѣкъ и какіе отбѣнки страданій сопровождаютъ его неволю. Чтобы понять и взвѣсить всю тяжесть неволи, — надо ее пережить и перечувствовать: только тогда узнаешь всю тяжесть лишенія свободы, только тогда оцѣнишь всѣ блага этой свободы и человѣческой независимости. Кто не зналъ этого несчастія, тому оно, можетъ быть, кажется совершенно инымъ и въ другомъ свѣтѣ. Точно-также, вѣроятно, только тотъ узнаетъ всю жгучую боль ссылки и изгнанія, кто самъ, по выраженію изгнанника Дантѣ, „долженъ былъ покинуть все, что было дорого его сердцу, испытать, какъ горекъ хлѣбъ изгнанника и какъ тяжело входить и спускаться по ступенямъ чужой лѣстницы“.

Свѣдѣнія, добытыя личными наблюденіями и разспросами, авторъ призналъ необходимымъ провѣрить изслѣдованіемъ объ историческомъ значеніи русской ссылки. Опытное изученіе прежняго наказанія, какъ мы полагаемъ, можетъ служить важнымъ урокомъ и для будущихъ исправительно-педагогическихъ системъ *).

Кромѣ того авторъ старался разсмотрѣть лучшіе опыты европейскаго пенитенціарнаго наказанія, дополнивъ ихъ тѣми соображеніями, которыя онъ вынесъ при изученіи русской тюремной общины. Онъ надѣется, что его очерки не бу-

*) Нѣкоторыя статьи автора („Община и ея жизнь въ тюрьмѣ“, „Оди-
ночное заключеніе, изъ записокъ послѣдственнаго“, „Ссылное и бродя-
чее населеніе Сибири“ и „Историческіе очерки ссылки“) печатались
нами въ одномъ подцензурномъ журналѣ: въ настоящемъ сборникѣ онѣ
помѣщаются почти безъ перемѣны.

будутъ бесполезными въ моментъ нашей тюремной реформы и могутъ пригодиться при разрѣшеніи хотя-нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, возникающихъ при новомъ исправительномъ наказаніи.

Искреннимъ желаніемъ автора было—содѣйствовать выработкѣ рачіональной системы исправленія, которая-бы, давая полныя гарантіи общественной безопасности, могла возможно-болѣе благопріятствовать перевоспитанію челоуѣка и его нравственному совершенствованію. Онъ надѣется, что вводимая у насъ новая исправительная система наказанія болѣе-внимательно отнесется къ судьбѣ преступника, внесетъ новыя, гуманныя взгляды въ систему наказанія и, содѣйствуя исправленію наказуемой личности, сниметъ съ нея хоть часть тѣхъ излишнихъ страданій и горя, въ существованіи которыхъ, при прежней системѣ наказанія, иногда приходилось убѣждаться горькимъ опытомъ.

6 декабря 1871 г.

ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ

(подъ слѣдствіемъ).

I.

Первыя минуты неволи *).

Помню, началась весна. Широко разлившіяся рѣки спокойно и ровно легли по равнинамъ, отразивъ свѣтлое весеннее небо; деревья зазеленѣли и покрылись пушистыми серьгами; молодая черемуха, какъ невѣста, убралась бѣлыми гирляндами; кругомъ переливались нѣжныя и мягкія травы; головки веселыхъ цвѣтовъ закивали на солнцѣ; свободныя птицы рѣяли въ голубомъ и прозрачномъ воздухѣ моей родины; юная верба опустила свои зеленныя руки въ озеро; зашумѣли тростники на зеленыхъ островахъ; молодой соловей началъ свою весеннюю пѣсню и солнце обдало эту разцвѣтающую и ликующую природу своимъ жгучимъ и яркимъ свѣтомъ. Все звало къ жизни, къ любви, къ счастью!..

Въ такое-то время меня подвезли къ большому каменному зданію острога. Предо мною стоялъ извѣстный всѣмъ, вѣчно потрясающій фасадъ „мертваго дома“, „дома плача и скорби“, со своими темными, какъ впа-

*) Записки эти, касающіяся подслѣдственнаго заключенія, принадлежатъ одному изъ подсудимыхъ, когда-то при прежнемъ судопроизводствѣ долго содержавшемуся въ острогѣ. Записки пріобрѣтены нами случайно. Здѣсь мы помѣщаемъ ихъ почти безъ измѣненія, присоединивъ къ нимъ свою особую статью.

дины черепа, окнами, съ гладко-форменнымъ видомъ, съ холодными и непривѣтливymi каменными стѣнами, съ декорумомъ запоровъ, штыковъ, рѣшотокъ и блѣднозеленыхъ лицъ. Болѣзненно завизжала калитка желтыхъ форменныхъ воротъ, въ которую вошли мы; стукнулъ засовъ, быстро задвинутый за нами часовымъ. Изчезъ уличный шумъ и насъ окружило мертвое молчаніе тюрьмы. У меня какъ-будто что-то оторвалось отъ сердца. Я чувствовалъ, что за этою калиткою остались вольный міръ, моя свобода, жизнь. Я отрывался отъ нихъ. Надолго-ли?..

Мы вошли въ мрачную кордегардію острога съ какими-то готическими окнами и средневѣковой мебелью; тяжолыя, неуклюжія скамьи, оружіе около стѣнъ, толпа надзирателей и солдатъ—все это тѣснилось среди мрака и грязи. Усатый и форменный народъ съ тупымъ любопытствомъ стѣснился около меня; толстенькій и круглый, какъ шаръ, смотритель суетился съ бумагами, расписывался, употребляя усилія, чтобы макнуть перо въ чернильницу, заплывшую тиною и грязью, таялъ отъ жары и отиралъ крупно-лющійся потъ съ озабоченнаго и пухлаго лица; въ то-же время одинъ изъ надзирателей уже лѣзъ въ мой чемоданъ, а красный, съ рыжими усами и бойкимъ взглядомъ ключникъ безцеремонно началъ меня ощупывать съ видомъ такой ловкости, какой не достигнетъ никакой акушеръ. Я невольно отшатнулся, но онъ, даже не взглянувъ, упорно полѣзъ въ голенища моихъ сапогъ и затѣмъ погрузилъ красныя клешни свои въ мои карманы,—даже съ большею развязностью, чѣмъ въ свои собственныя. Какое-то непріятное чувство охватило меня—горькое чувство обиды, униженія. Непріятно было быть въ положеніи какого-то мазурика. Я насилу совладалъ съ своимъ смущеніемъ, и даже не обратилъ особаго вниманія, какъ мой перочинный ножичекъ съ какимъ-то завалавшимся гривенникомъ перешолъ въ карманъ ревизора. „Извините, это у насъ такъ заведено“, успокаивалъ меня въ то-же время

на счетъ обыска вѣжливый смотритель. Кончились эти пытки. Я отдалъ деньги, табакъ, причомъ, однако, смотритель сдѣлалъ мнѣ компромисъ на десятокъ напирось, какъ арестанту изъ благородныхъ. Скоро смотритель исчезъ и затѣмъ отданъ былъ закулисный приказъ вести меня внутрь острога. Мы пошли по извилистымъ и темнымъ корридорамъ, изрывшимъ, какъ жилы, внутренность этого мрачнаго жилища. Мы шли по каменному полу; вездѣ висѣли каменные своды, придавая суровый и таинственный видъ зданію. Сзади гремѣла сабля и приклады; слышался топотъ конвоя; впереди бѣжалъ толстенькій и лысый ключникъ съ ключами. По сторонамъ виднѣлись выкрашенные черной краской двери съ маленькими окошечками. За одной изъ нихъ слышался шумъ. „Наручными его, наручными!“ кричала какая-то хриплая глотка. Затѣмъ кто-то завозился и тяжело грянулся на нары. Все это пронеслось быстро и мы очутились въ пустынномъ закоулкѣ корридора. Ключникъ вѣжливо остановился у отворенной двери въ маленькую, мрачную комнатку, изъ которой обдавало задхлымъ, стоячимъ воздухомъ. Я взглянулъ на моего харона: поза его была такая выжидающая и, въ то-же время, приглашающая, что я поспѣшилъ войти сюда. Прежде всего мнѣ кинулись въ глаза въ этой комнатѣ закупоренныя, двойныя, страшно засаленныя рамы. Я обратился-было, чтобы сдѣлать вопросъ на счетъ ихъ, но уже не наполнилъ никого: ключникъ зналъ свое дѣло, и лишь-только я сдѣлалъ шагъ, какъ дверь захлопнулась, глухо стукнулъ тяжолый засовъ и уже визжалъ раздирающій ухо, старый, экономическій острожный замокъ. Конвой удалился, оставивъ у дверей камеры браваго часового, который стоялъ все-еще вытянувшись. Я осмотрѣлъ комнату. Это была обыкновенная секретная камера, шаговъ 6 $\frac{1}{2}$ въ длину и шага 3 въ ширину. Свѣтъ тускло пробивался въ запыленные и загаженные мухами рамы; рѣпотѣя дѣлала окно еще темнѣе. Стѣны комнаты были

покрыты красными пятнами: слѣдъ чьей-то ожесточенной борьбы съ клопами; въ сторонѣ стояла занимающая полкомнаты кровать съ арестантскимъ тюфякомъ, толстымъ, какъ рогожа, покрытымъ тоже кровавыми пятнами. Подъ кроватью, въ слоѣ пыли, валялась портянка и деревянный обрубокъ, залитый саломъ: слѣдъ прежняго жильца... „Кто онъ былъ: убійца, воръ или разбойникъ? Какъ онъ проводилъ здѣсь время, какъ онъ ожидалъ наказанія, какъ онъ мучился по ночамъ?“ болѣзненно зашевелилось въ головѣ моей. Но что придавало болѣе всего мрачный и унизичный видъ секретной, это — большая, черная дверь съ маленькимъ стекломъ, въ которую то-и-дѣло заглядывалъ часовой и за которой въ антрактахъ онъ брякалъ ружьемъ. Странно: эта комната, хотя я ее въ первый разъ видѣлъ, показалась мнѣ знакомою. И вдругъ моя память стала рисовать мнѣ далекое прошлое. И оно встало, озаренное солнцемъ моей весны, моего дѣтства. Я вижу праздничный, веселый день. Богатая, свѣтская дама, моя мать, ѣдетъ со мною къ обѣднѣ въ острожную церковь нашего родного города. Тогда я былъ веселымъ и балованнымъ ребенкомъ. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я любопытными дѣтскими глазами на блѣдныхъ людей въ сѣрыхъ халатахъ, съ унылой, убитой наружностью стоявшихъ противъ насъ за рѣшоткой. „Это все несчастные, несчастные, мой другъ“, говоритъ мать моя. Послѣ обѣдни мы съ смотрителемъ замка пошли посмотреть несчастныхъ. Я не помню, много-ли мы обходили камеру, но одна изъ нихъ въ особенности врѣзалась въ памяти. Въ низенькомъ корридорѣ нижняго этажа смотритель отперъ намъ черную дверь съ надписью наверху: „за грабежъ и убійство“. Тогда мы увидѣли одиночнаго арестанта: онъ былъ молодъ, съ худымъ и блѣднымъ тюремнымъ лицомъ; волосы его висѣли въ безпорядкѣ на лбу; глаза его были красны и какъ-то безумно блуждали; онъ всталъ и поволочилъ за собою цѣпь, на которой былъ прикованъ